

С твоим интеллектом, упорством, интуицией
и опытом ты способен взлететь очень высоко.

Айртон Сenna

ГЛАВА 1

Жесты — это все, что у меня есть. Порой они выглядят величественными, и если я переигрываю, то делаю это намеренно, исключительно для того, чтобы меня понимали правильно. Чтобы моя точка зрения не вызывала вопросов. Слов, которым я мог бы довериться, у меня нет, поскольку, к сожалению, язык мой сконструирован длинным, плоским, болтающимся из стороны в сторону. Поэтому, кстати, им ужасно неудобно пережевывать пищу и перекатывать ее во рту, но еще меньше он подходит для произнесения звуков, связующихся между собой в умные многосложные слова, образующие предложения. Таким образом, говорить я не умею. Вот почему я в ожидании Дэнни — он скоро должен вернуться — лежу здесь, на прохладном, выложенном кафельной плиткой полу кухни, в луже собственной мочи.

Я старый, и откровенно говоря, не таким я представлял собственный уход: шприц с обезболивающим и стероидами для уменьшения распухания суставов, глаза, затуманенные катарактой, пухлые, скользкие пакеты с собачьими памперсами. Уверен, Дэнни обязательно позаботится обо

мне и купит сумку-коляску для транспортировки собак, неспособных самостоятельно волочь свою задницу — такие я не раз видел на улице, — когда дело совсем подойдет к концу. Вещь унижительная и оскорбительная. Не знаю, что хуже — кошмарная сумка-коляска или традиционный отвратительный собачий наряд на Хеллоуин. Купит, купит, не сомневайтесь. И сделает это от любви, конечно. Дэнни будет до последнего поддерживать в своей собаке жизнь, тело же мое продолжит распадаться и разлагаться до тех пор, пока от него почти ничего не останется, кроме мозга. А то, что от меня останется, опутают всякими разными проводами и катетерами и через них станут подавать искусственное питание.

Но я не хочу, чтобы во мне поддерживали жизнь. Потому как знаю, что будет. Видел по телевизору. Прежде всего, в документальном фильме о Монголии. Это лучшая телепередача из тех, что мне довелось смотреть, не считая, конечно, европейского Гран-при 1993 года, величайших автогонок всех времен, где Айртон Сенна показал себя гением в езде на мокром треке. А уж после Гран-при 1993 года, безусловно, лучшим идет тот самый документальный фильм, который мне все и объяснил, поведал истину — собака, завершившая свое существование в образе собаки, в следующей жизни становится человеком.

А я всегда чувствовал себя почти человеком. Я постоянно ощущал: есть во мне нечто, чем я отличаюсь от остальных собак. Меня втиснули в собачье тело, это так, но оно — всего лишь оболочка.

Важно же то, что внутри. Душа. А душа у меня человеческая.

Я уже сейчас готов стать человеком, хотя и знаю, что придется потерять себя. Свою память, весь свой опыт. Я бы хотел взять их в свою будущую жизнь, ведь я прошел через столько испытаний вместе с семейством Свифт, но не знаю, возможно ли такое. Что я могу сделать, кроме как заставить себя запомнить? Постараться запечатлеть эти знания в своей душе, не имеющей ни поверхности, ни сторон, ни страниц, ни формы. Запрятать в глубину своей сущности, чтобы потом, открыв глаза и взглянув на свои обновленные руки с настоящими большими пальцами, способными плотно прилегать к остальным, сразу же понять: я всегда это знал. Все это я вижу уже сейчас.

Дверь открывается, я слышу, как он входит со знакомым возгласом: «Привет, Цо!» Обычно я, отгоняя мучительную боль и с трудом держась на лапах, бреду к нему повилять хвостом, поболтать языком и ткнуться мордой в его ногу. Сегодня же, проявляя поистине человеческое упорство, сдерживаюсь. Мне трудно, но я продолжаю лежать, не поднимаюсь. Я играю.

— Энцо?

Я слышу его шаги, улавливаю тревогу в голосе. Дэнни находит меня, окидывает долгим взглядом. Я приподнимаю морду, слабо помахиваю хвостом. Я славно играю свою роль.

Он качает головой, проводит рукой по волосам, ставит на пол пластмассовый пакет, в котором ле-

жит его обед, купленный в бакалейной лавке. Я чувствую запах жареного цыпленка. Сегодня вечером он будет есть жареного цыпленка и салат, холодный, наложенный горкой, похожей на айсберг.

— Ох, Энц, — говорит он.

Дэнни присаживается на корточки рядом со мной, дотрагивается до моей головы, гладит ямочку за ухом — так он всегда делает, — а я поднимаю морду и облизываю его ладонь.

— Что стряслось, малыш? — спрашивает он.

Но разве движениями объяснишь?

— Не можешь подняться?

Я пытаюсь, царапаю лапами кафель. Сердце у меня обрывается, — кажется, оно готово вырваться наружу. И я вдруг понимаю, что не могу встать. Я впадаю в панику. Оказывается, я вовсе и не притворялся, а действительно не могу держаться на лапах. Черт подери. Вот тебе и игра.

— Не волнуйся, малыш. Спокойней, — утешает он меня и, чуть приподняв, прижимает к себе. — Все в порядке, я с тобой. Давай помогу.

Он легко подхватывает меня с пола, берет на руки, и я чувствую запах его дня. От него пахнет всем, чем он занимался. Его работой, автомагазином, где он целый день стоит за прилавком, улыбаясь и вежливо разговаривая с покупателями, которые орут на него, потому что их «БМВ» заводятся и ездят плохо, а стоят бешеных денег, и что на их ремонт не напасешься, а главным образом потому, что людям иногда просто требуется на кого-нибудь наорать. Я чую запах его ланча.

Он ходит перекусить в индийскую закусочную. Там классно и дешево. Там он покупает коробочку с едой, а иногда ему удается стянуть лишнюю порцию цыпленка тандори и желтого риса на ужин. Я ощущаю запах пива. Значит, он по дороге куда-то забежал. Может быть, в мексиканский ресторанчик, что на холме? Его дыхание пахнет чипсами тортилья. А, теперь все ясно. Мне нравится угадывать, где он задерживается, но только не сегодня, потому что сегодня я чувствую себя отвратительно.

Он бережно кладет меня в раковину, включает воду.

— Сейчас, Энц, потерпи немного, — приговаривает Дэнни и прибавляет: — Прости, что задержался. Мне надо было сразу идти домой, но ребята с работы уговорили. Я говорил Крейгу, что завязал, но разве ж от него отделаешься...

Дэнни продолжает болтать, и я начинаю понимать, что он думает, будто приступ у меня случился только потому, что он припозднился. Нет. Вовсе не поэтому. Мне не хочется, чтобы хозяин переживал из-за моего приступа. Нужно заставить его взглянуть правде в глаза, дать понять, что нет причин расстраиваться из-за моего ухода из жизни. Он и так со мной порядком намучился, но ничего, скоро финал. Зачем только он таскает меня по дому, душу себе истязает? Оставил бы где-нибудь в углу да шел себе развлекаться, предаваться радостям жизни. Нет, со мной на руках он предаваться радостям не станет. Как бы мне его освободить от себя?

Дэнни — замечательный. Он сияет. У него прекрасные руки, которые умеют брать самые разные вещи, и язык у него может говорить всякие слова. Он прекрасно держится на двух ногах, стоит себе и пережевывает пищу в однообразную кашу, и только после этого заглатывает. Я буду скучать по нему, по маленькой Зое. И я знаю, что они тоже будут скучать по мне. Но мне не следует позволять сентиментальности затмить мой грандиозный план. После того как все произойдет, Дэнни станет свободным и заживет собственной жизнью, а я вернусь на землю уже в новом обличье, в образе человека, и отыщу его, пожму ему руку и расскажу, как он талантлив. Потом подмигну и тихо прибавлю: «Энцо передает тебе привет». Затем повернусь и быстро зашагаю прочь, а он прокричит мне вслед: «Откуда ты меня знаешь? Мы с тобой раньше не встречались?»

Помыв меня, он протирает пол на кухне, а я наблюдаю за ним. Затем он кладет в миску мой корм, который я опять очень быстро съедаю, усаживает напротив телевизора, а сам начинает готовить ужин.

— Может быть, посмотрим пленку? — спрашивает он.

— Давай посмотрим, — отвечаю я, но он, конечно же, меня не слышит.

Он ставит запись одной из своих гонок, и мы вместе смотрим ее. Это одна из моих любимых гонок. Машины готовы к заезду, и трек абсолютно сухой, но как только качнулся зеленый флаг, известная о начале гонок, грянул ливень. Вода поли-

ла стеной, залила трек, и все машины вокруг той, в которой находился Дэнни, враз потеряли управление. Многие съехали в поле, а он едет себе, лавируя между ними, словно на него и дождь-то не попадает, будто знает магическое заклинание, раздвигающее воду. Ну точно как на европейском Гран-при 1993 года, когда Сенна четыре машины обошел в открытом заезде, четырех величайших чемпионов уделал — Шумахера, Вендлингера, Хилла, Проста, всем им нос утер. Как будто тоже знал магическое заклинание.

Дэнни ездит не хуже Сенны. Только его мало кто видит, потому что ему не до этого. У него есть маленькая дочка Зоя и была жена Ева, которая перед смертью долго болела, а еще у него есть я. Живет он в Сиэтле, хотя гонщик должен жить где-нибудь в другом месте. У него есть работа. Но иногда он уезжает и возвращается с призом. Показывает его мне и рассказывает о гонках: как он блистал на треке и показал гонщикам в Сономе, или Техасе, или Среднем Огайо, как нужно ездить в сырую погоду.

Когда запись заканчивается, он говорит: «Пойдем?» И я снова пытаюсь подняться.

Он приподнимает мне задницу, уравнивает меня на лапах, так я еще как-то держусь. Я тычу мордой в его ногу, показывая — со мной все в порядке.

— Вот и хорошо, Энцо.

Мы выходим из квартиры. Ночь стоит прохладная, ветреная, колючая и звездная. Мы проходим только один квартал и сразу идем обрат-

но, потому что лапы у меня сильно болят. Дэнни это замечает. Когда мы возвращаемся, он дает мне печенье на ночь, я съедаю его и сворачиваюсь на коврик возле кровати хозяина. Он берет трубку и набирает номер.

«Майк, — говорит он. (Майк — это друг Дэнни, они работают продавцами в одном магазине. Между ними сложились, как говорят, корпоративные отношения. Майк — невысокий парень с дружелюбными руками, розовыми, всегда чисто вымытыми и приятно пахнущими.) — Майк, прикроешь меня завтра? Мне нужно снова сводить Энцо к ветеринару».

В последние годы мы частенько ходим к ветеринару за разными медикаментами, которые предположительно должны облегчить мне боль. На самом же деле ничего они не облегчают. А раз так, да еще принимая во внимание вчерашнее событие, я начинаю реализовывать свой генеральный план «Хозяин».

Дэнни на минуту прерывает разговор, а когда возобновляет, голос у него делается чужим — грубым, словно он подхватил простуду или его душил приступ аллергии. «Не знаю, — говорит он, — возможно, это будет не рутинный визит».

Я, может быть, и не могу выговаривать слова, но понять их смысл вполне способен. И я удивлен тем, что он говорит, хотя и готов к этому. На мгновение я удивился: ведь мой план сработал. Все идет как нельзя лучше, правда. Все станут свободными. Дэнни поступает абсолютно правильно. Он очень много для меня сделал, всю жизнь

обо мне заботился. Теперь я обязан позаботиться о нем. Это мой долг. Без меня он сразу поднимется. Мы славно покатались и теперь подошли к финишу. Все когда-то кончается, ничего плохого здесь нет.

Я закрываю глаза и в полудреме слышу, как он делает то, что делает обычно перед сном. Чистит зубы, сплевывает воду, умывается. Как много у людей дел и разных ритуалов. Иногда они слишком привязываются к ним.

ГЛАВА 2

Он выбрал меня из груды щенков, разглядев в кишачей массе лап, ушей и хвостов за сараем возле пахучего поля, неподалеку от крошечного городка на востоке штата Вашингтон. Я не очень помню, как появился на свет, но помню свою мать — здоровенную суку-лабрадора с громадными титьками, качающимися наподобие маятников, за которой по двору семенили я и мои однопометки. Честно говоря, мамаша нас не особенно любила, ей было совершенно все равно, поели мы или ходим голодными. Когда кто-нибудь из нас исчезал, она определенно чувствовала облегчение — одним писклявым молокоотсосом меньше.

Отца своего я никогда не знал. Рабочие на ферме сказали Дэнни, что он метис, помесь овчарки с пуделем, но я в их басни не верю. Похожего пса я на ферме ни разу не видел, и если симпатичной даме еще можно поверить, то старшему на ферме, откровенному мерзавцу, который врал не моргнув глазом, даже когда сказать правду было бы намного лучше, — ни за что. Он долго пространялся относительно собачьих пород, до-

казывая, что овчарки и пуделя — самые умные из всех, а потому их берут чаще и стоят они дороже, а особенно их помет от скрещивания с лабрадором, который помимо ума приобретает еще и особый характер. Чуть собачья. Всем известно — овчарки и пуделя умом как раз не отличаются. У них прекрасная реакция, они отлично выполняют команды, но самостоятельно думать не могут. Самые же глупые из них — голубоглазые овчарки из Австралии и Новой Зеландии, жители которых помешаны на фрисби. Нет, они, конечно, и быстры, и сообразительны, но думать вне вольера — увольте. Иными словами, как их обучишь или договоришься, так они и сделают.

Лично я убежден, что отцом моим был терьер. Потому как терьеры умеют решать проблемы. Они выполняют приказ, но только в том случае, если он совпадает с их настроением. То есть будет приказ или нет, они все равно поступят по своему. Как раз подобный терьер жил у нас на ферме. Эрдель. Крупный, с черной лохматой шерстью и задиристый. Другие собаки с ним предпочитали не связываться. Держали его подальше от ограды дома, в сарае, где чинили трактора, у подножия холма, рядом с ручьем. Иной раз, правда, он прибегал к нам на холм, и тогда все собаки разом куда-то исчезали. Ходил в поле слушок, что старший готовился сделать из него бойцовскую собаку и весьма в том преуспел — терьер, судя по виду, готов был загрызть любого пса, который пописал в его сторону. За один только ленивый взгляд он шкуру с холки срывал. А уж если слу-

чалась у какой-нибудь сучки течка, он сразу охаживал ее, не важно, видит его действия кто или нет. Я часто недоумевал: «Да неужто это и есть мой отец?» Я похож на него — у меня такая же темная шерсть, слегка вьющаяся, и многие люди считают меня наполовину терьером. Самому же мне хотелось бы думать, что я появился в результате регулируемого генетического отбора.

Помню, в тот день, когда я покидал ферму, стояла страшная жара. В Спэнгле каждый день жаркий, поэтому и весь мир мне казался таким же, я ведь еще не знал, что значит холод. Я не знал, что такое дождь, ни разу не видел воды, разве что в громадных тазах и бочках, из которых пили взрослые собаки и которые старший по ферме наполнял из длинного шланга. Из того же шланга он окатывал водой сцепившихся собак. Однако в день, когда приехал Дэнни, жара стояла редкая. Я с однопометками, как обычно, возился, как вдруг появившаяся сверху рука схватила меня за холку, и я взмыл в воздух.

— Да, этого, — произнес какой-то мужчина.

Это было мое первое знакомство с будущей жизнью. Мужчина оказался высоким, худощавым, мускулистым. Не крупным, но уверенным в себе. С внимательными, холодными голубыми глазами, коротко стриженный, с курчавой, редкой, как у ирландского терьера, бородкой.

— Лучший из помета, — сказала дама. Она была добрая, всегда гладила нас. Мне нравилось, когда она брала меня на колени и чесала за ушами: «Ути, какой милашка. Красавчик».

— Думали оставить его себе, — сообщил старший по ферме, переступая ногами в высоких, облепленных грязью ботинках. Он только что вернулся с ручья и чинил забор вокруг сарая.

Прохиндей. Он всегда так говорил, когда продавал щенков. Цену набивал. Мне было примерно недель двенадцать от роду, а эту фразу я слышал от него несчетное количество раз.

— Отдадите? — спросил мужчина.

— За деньги, за деньги, — ответил старший по ферме. Прищурившись, он посмотрел вверх, на небо, бледно-голубое от палящего солнца. — За хорошие деньги.

ГЛАВА 3

— Как можно мягче. Представь, что на педалях лежит яичная скорлупа, — любит повторять Дэнни, — и тебе нельзя ее давить. Вот как водят под дождем.

Когда мы смотрим с ним видеозаписи — а мы это делаем с первого дня нашей встречи, — он многое разъясняет мне (мне!). Спокойствие, ожидание, терпение — все это жизненно важные качества для гонщика. Периферическое зрение — это способность замечать вещи, которые глаза фактически не видят. Кинестетические ощущения — это когда дорогу ощущаешь одним касанием задницы на водительском кресле. Но больше всего мне нравилось его объяснение отсутствия памяти. Забавно не помнить того, что делал всего секунду назад. Ни плохого, ни хорошего. Потому что память — то же, что откидная спинка сиденья, только роль спинки играет время. Помнить означает отделяться от настоящего. Чтобы достичь успеха, гонщик должен уметь во время гонок ничего не помнить.

Вот почему гонщики постоянно записывают на видео каждое свое действие, а камеры у них

установлены в кабине — это называется картографирование данных. Гонщик не может стать свидетелем своего величия. Так говорит Дэнни. Он говорит, что гонка — действие и гонщик не должен чувствовать ничего, кроме этого самого действия. Размышления придут позднее. Великий чемпион Хулиан Сабелла Роза как-то сказал: «Во время гонки мой ум и мое тело работают так быстро и так слаженно, что я просто не успеваю думать, а если бы думал, то обязательно совершил бы ошибку».

ГЛАВА 4

Дэнни увез меня далеко от родной фермы, в пригород Сиэтла под названием Лесчи, где мы жили в небольшой съемной квартирке на берегу озера Вашингтон. Мне не очень нравилось жить в квартире, ведь я привык к открытым пространствам, к тому же я был щенком игривым. К счастью, в квартире имелся балкон, выходящий на озеро, вид которого меня радовал, поскольку я все же наполовину, по материнской линии, собака водяная.

Рос я быстро, и уже в первый год мы с Дэнни выработали друг к другу чувство глубокой привязанности и доверия. Поэтому меня крайне удивило, что он так быстро влюбился в Еву.

Он привел ее домой, и пахла она приятно, как и он. Перебродившим напитком, заставляющим их вести себя очень забавно. Они снимали друг с друга одежду, словно ее на них было слишком много, они обнимались, гладили друг друга, тискались, кусали друг другу губы, сжимали пальцы, целовали их и локти, короче, пускали слюни. Они упали на неразобранную постель, он взгромоздился на нее, она сказала: «Поле плодородно,

осторожнее», а он ответил: «Обожаю плодородие». И он пахал ее поле, пока она не сжала руками простыню и не выгнула спину и не закричала от радости.

Когда он ушел поплескаться в ванной, она свесилась с кровати и погладила меня, отчего голова моя склонилась к полу, потому что я еще не был взрослым, мне недавно всего год исполнился, к тому же я был немного напуган их стонами и криками. Она спросила: «Ты не возражаешь, если я буду любить его? Я не встану между вами».

Я заужавал ее после таких слов, хотя и знал: она обязательно встанет между нами, оттого и счел ее торопливое обещание неискренним.

Я старался не выказывать обеспокоенности и вел себя прилично, так как знал, что Дэнни сильно увлечен ею. Однако вынужден признать: ее присутствие в квартире меня не вдохновляло. Оттого и мое присутствие вдохновляло ее еще меньше. Мы оба были спутниками, вращающимися вокруг солнца по имени Дэнни и борющимися за гравитационное превосходство. Разумеется, она имела преимущество в виде языка, и когда целовала и ласкала Дэнни, то иногда кидала в мою сторону дразнящие взгляды и подмигивала, будто говорила: «Смотри, как я умею делать».

ГЛАВА 5

Даже у обезьян есть большие пальцы, у этих тупейших существ на планете. Тупее их только утконосы, которые хотя и дышат воздухом, но устраивают гнезда под водой. Утконосы — редкие тупицы, чуть-чуть подурнее обезьян. И тем не менее у обезьян есть большие пальцы. Их большие пальцы предназначались для собак. *Отдайте мне мои большие пальцы, вы, обезьяны чертовы, сучьи дети.* (Мне нравится ремейк «Лицо со шрамом» с участием Аль Пачино, хотя он не идет ни в какое сравнение с «Крестным отцом», который просто великолепен.)

Я провожу слишком много времени у телевизора. Когда Дэнни утром уходит, он включает его для меня, и это давно стало привычкой. Он предупреждал меня не смотреть телевизор целый день, но я не послушался. К счастью, он знает, что мне нравятся машины, поэтому разрешает смотреть гонки сколько угодно, они идут по каналу «Скорость». Больше всего люблю смотреть классические гонки, особенно «Формулу-1». Мне также нравятся гонки «НАСКАР», но только на дорожных петлях. Хотя гонки — мои любимые пере-

дачи, Дэнни советует мне вносить разнообразие в жизнь, потому частенько включает другие каналы, и ими я наслаждаюсь не меньше.

Иногда я смотрю телеканалы «История», «Дискавери», иногда государственный телеканал, а порой даже какой-либо из детских. Когда Зоя была совсем маленькой, я выветривал невежество и дурь из головы за счет того, что до полудня изучал телепередачи о разных культурах и традициях, тогда же я и начал задумываться о своем месте в этом мире, о вещах, имеющих смысл, и о вещах, смысла не имеющих.

По телевизору много говорят о Дарвине. Практически каждый образовательный канал имеет передачу об эволюции, все они, как правило, хорошо продуманны и имеют научную базу. И тем не менее мне непонятно, зачем люди противопоставляют свою концепцию эволюции креационизму. Почему не видят, что спиритуализм и наука — одно и то же? Эволюционируют ведь не только тела, но и души, а Вселенная, жидкая материя, соединяет их в удивительном создании, имя которому — человек. Чем плоха подобная идея?

Теоретики от науки убеждают нас в том, что обезьяны являются ближайшими эволюционными родственниками человека. Только спекуляции это все. На чем их теории основаны-то? На единственном факте — некоторые из найденных черепов сходны с черепом современного человека. Ну и что он подтверждает? Даже вкупе с другим фактом, доказывающим способность передвиже-

ния приматов на двух ногах. Двуногость — вообще не преимущество. Гляньте-ка на ногу человека, с ее мозолями, скрюченным большим пальцем, кальциевыми отложениями и гноем, вытекающим из пяточной шпоры. Да какая ж это шпора, если ею нельзя ни за сучок зацепиться, ни крошечную ямку выкопать? (И все же как я жду момента, когда душа моя вселится в одно из двуногих, неважнецки спроектированных тел, и я вберу в себя человеческое здоровье и заботы о нем.) Человеческое тело произошло от обезьяньего? Ну так что из того? Не важно, от кого оно произошло, хоть от рыбы. Самое главное — как только тело стало достаточно человеческим, в него вошла первая человеческая душа.

Представляю вам собственную теорию: ближайшим родственником человека является не шимпанзе, как полагают люди в телевизоре, а фактически собака.

Следите за моей логикой.

Доказательство первое: коготь-отросток.

По моему глубокому убеждению, коготь-отросток, который часто срезается с передней лапы собаки в раннем ее возрасте, есть не что иное, как недоразвитый большой палец, ошибочно считающийся атавизмом. Далее — я уверен, что люди вырастили свой большой палец в результате длительного, тщательно выверенного процесса, называемого селективным скрещиванием, с простой целью — предотвратить развитие собак в мышленное и потому опасное для них млекопитающее.